

«Слову» Илариона; оно включается в процесс развития литературы XI в.

Последующее развитие литературы, если оценить главное в ее течении, характеризуется нарастанием конкретности изложения, оживлением интереса к аргументации сообщаемых сведений, включением в поле зрения литераторов и летописцев политической истории, стремлением к точным датам в летописи, привлечением разнообразных источников — рассказов участников событий, народных или дружинных преданий и даже материальных «археологических» памятников.¹⁸ Это время создания Начального свода, «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха, «Хождения» игумена Даниила. С этим этапом отвлеченный стиль «Чтения» плохо вяжется, и Нестор представляется запоздалым одиночкой, действительно идущим против течения со своим архаическим стилем, а его попытка повернуть процесс вспять исторически непонятна. Вместе с тем и определение исторического места «Чтения» С. А. Бугославским представляется очень искусственным и натянутым. Точно так же, вопреки мнению исследователя, отнесшего «древнейшую» часть «Сказания» ко временам Ярослава, где оно стоит также особняком, это замечательное произведение прекрасно связывается, как покажем подробно ниже, с течением русской литературы в первой четверти XII в. Существенно, что «Чтение» было скоро и основательно забыто, отразившись в незначительном количестве списков, уступив место «Сказанию», пользовавшемуся популярностью в течение многих веков и представленному во множестве списков.

Уже эти общие соображения, с неизбежностью ведущие к признанию правильности концепции А. А. Шахматова, должны были насторожить по отношению к гипотезе С. А. Бугославского, популярность которой, как нам представляется, есть результат определенного гипноза того огромного текстологического фундамента, на котором она зиждется.

Однако при внимательном изучении трудов С. А. Бугославского складывается впечатление, что и сам исследователь, принципиально отказавшись от «конъектуральной» критики источников и целиком уйдя в кропотливый анализ и сопоставление множества текстов, оказался замкнутым в искусственном мире самодвижения редакций и разночтений и полностью оторвал предмет своего исследования от живой действительности, которая была ясно зрима в самих изучаемых им текстах, о чем пойдет речь ниже.¹⁹

Но и сама эта аналитическая работа над текстами дала в общем относительно малый эффект: различные «редакции» «Сказания», как выяснилось, мало разнятся друг от друга, и бесспорно древнейшим и наиболее близким к первоначальному тексту остался список в знаменитом сборнике XII в. московского Успенского собора.²⁰

Аналитический труд С. А. Бугославского не дал бесспорных результатов и в отношении расчленения «Сказания» на разновременные части. Так, тот же А. А. Шахматов, очень сильно и просто защищая свои позиции, внимательно изучил аргументы С. А. Бугославского и отдал должное его гигантскому и кропотливому труду, но счел возможным сделать следующее заключение по одному из основных его положений. По его мнению, «Сказание» «едва ли может быть отделено от приложенного к нему „Сказание о чудесах“ и не только от древнейшей части „Сказания“, но и от

¹⁸ М. К. Каргер. К характеристике древнерусского летописца. ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 59 и сл.

¹⁹ Формализм метода С. А. Бугославского был справедливо отмечен Л. В. Черпниным («Повесть временных лет»..., стр. 297—299).

²⁰ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 132; С. А. Бугославский. Пам'ятки..., стр. XII.